

Salvatore Del Gaudio

РОЛЬ «СЛАВЕНОРССКОГО ЯЗЫКА» В ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ УКРАИНСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ¹

1. Введение

Фундаментальным фактором в истории развития украинского и русского языка является так называемый «славенороссийский язык» или, в более современной русской терминологии – «славянорусский язык», а в украинской – «слов'яноноруська мова».

Этот вариант литературного языка, возникший в течение XVI и XVII вв. после публикации целого ряда нормативных² грамматик и лексиконов церковнославянского языка. Он сочетал грамматическую структуру церковнославянского происхождения с элементами староукраинской книжной традиции и с лексическими инновациями иноязычного происхождения. Известно, что после публикации «Грамматіки славенския правильное синтагма» (1619) М. Смотрицкого, церковнославянский язык, употребляемый в среде образованных людей, постепенно стал все больше отличаться от церковнославянского языка предыдущих редакций.

Разница была ощутимой особенно на лексическом уровне. Фактически, лексика отображала новые понятия, термины и выражения, типичные в период барокко.

Во второй половине XVII века, вследствие присоединения Левобережной Украины к России (1654), эта разновидность литературного языка, «восточ-

¹ Отметим, что данное исследование проводилось как часть проекта MOEL, 277 австрийского исследовательского общества (Österreichische Forschungsgemeinschaft).

² Слово «нормативный» должно быть интерпретировано, в данном контексте, не полностью в современном смысле. Поскольку в это время еще не существовало такого современного понятия. Здесь имеется в виду, грамматики и лексиконы, целью которого было ввести первую кодифицированную норму, потому что все литературные произведения базировались, до этого периода, в основном, на традиции.

нославянского и общерусского», получила широкое развитие, как на Украине, так и в России.

Процесс распространения «славеноросского языка», характерного для определенных жанров, таких как драма, продолжался до первой половины XVIII века.

Этот вариант литературного языка способствовал развитию нового русского литературного языка (1755), а также созданию условий для становления нового украинского литературного языка (1798).

Терминологическое обозначение этого варианта литературного языка, базирующегося на церковнославянском языке, в разных национальных традициях является одним из спорных вопросов.

Открытым вопросом является также интерпретация конкретной роли «славеноросского языка» в качестве культурного и лингвистического посредника, как в Украине, так и в России XVII-XVIII вв.

Перечисленные выше факторы позволяют определить цель данного исследования, а именно: охарактеризовать сферу употребления *славеноросского* языка и его взаимодействие с другими разновидностями литературных языков данного периода, например с русским литературным XVIII в. и старым, выходящим из употребления вариантом украинского литературного языка («*стара українська мова*»).

В Заключении, которое непосредственно связано с Введением данной статьи, предлагается результат анализа некоторых характерных особенностей «славеноросского языка», чтобы подчеркнуть его общие лингвистические характеристики.

1.1 Славеноросский язык: дефиниции

В научной терминологии современных белорусистики, украинистики и русистики существует неопределенность в терминологическом обозначении одного из вариантов литературных языков, употребляемых в Украине и, позже в России, до формирования и распространения национальных литературных языков.³ Спорным термином является «славеноросска(я) / слов'яноруська(я) мова; славеноросский / слов'яноруський язык; славянорусский язык и т.д.».

³ Известно, что в России закрепление русского литературного языка на основе московской речи начинается во второй половине XVIII в., после публикации грамматики Ломоносова («Российская грамматика» 1755). В Украине также процесс формирования и установления нового литературного языка на народно-диалектальной основе начинается с публикации «Энеиды» Котляревского (1798) в конце VIII века.

Некоторые ученые, в том числе и Нимчук В.В.,⁴ не признают вышеуказанную дефиницию. Они рассматривают этот вариант как разновидность староукраинского языка, относящийся к староукраинской литературной письменной традиции.

Данный термин в большинстве лингвистических словарей и энциклопедий отсутствует. Иногда под этой словарной статьей неопределенно говорят об общих аспектах церковнославянского языка. Такое терминологическое многообразие усложняет задачу ученых, особенно западноевропейского происхождения, желающих понять и разграничить процессы формирования украинского и русского языков. По этой причине, а также на основе сопоставления ниже предложенных дефиниций, попытаемся определить характерные черты этого литературного языка.

Энциклопедия украинского языка, например, предлагает под главным значением «слов'яноруска мова» рассмотреть обобщенные сведения о староукраинском языке.⁵

Здесь мы находим следующее объяснение: «*Проте на кінці 17- поч.18 ст. мова драм досить істотно змінює т.з. слов'яноруска мова, тобто значною мірою церковнослов'янська*».⁶

В *Словаре лингвистических терминов* О.С. Ахмановой (2007, 419) подобный термин также отсутствует; здесь предлагается только понятие «славянизм» со следующими дефинициями: 1) «слово или оборот русского языка, имеющие церковнославянское происхождение»; 2) «стилистический вариант русского слова с приподнятой (возвышенной) коннотацией».

В энциклопедии «*Русский язык*» (1979, 297) тоже нет подобной дефиниции, и речь идет о славянизмах. В энциклопедии «*Беларусская мова*, (1994, 601)» дается подробное описание значения церковнославянского языка для восточнославянской и, особенно, белорусской культуры, но подобный термин также отсутствует.

Краткое, но ясное терминологическое объяснение семантической и формальной эволюции этого термина предлагает Грунте (2001, 325): «*Neu ist auch, dass die Bezeichnung für das Kirchenslavische nicht mehr – wie noch im 14.*

⁴ Это утверждение основано на материале научной консультации автора академиком В. Нимчуком (05.02.09).

⁵ См. *Українська мова. Енциклопедія*. (2004, 640-644), Київ.

⁶ Перевод: «Однако в конце 17-нач. 18 вв. язык драм существенным образом изменяет так называемый славянорусский язык, т.е. в значительной мере церковнославянский язык».

und 15. Jahrhundert – словѣнскїи lautet, sondern слабенскїи oder слабеноросскїи, also unter etymologischer Anknüpfung an слава».⁷

О. Horbach в *Encyclopedia of Ukraine* (1984, т. 4, 747-748), также предлагает доступное определение понятия «славеноросский»:⁸ «The bookish language used in 15th-to 18th – century Ukrainian and Belarusian scholarly, publicistic, and literary works. The term **slavenorosskyj** (Slavonic-Ruthenian [SR] was introduced in the late 15th century and was popularized by Żytec 'kyj».⁹

На самом деле, разъяснение Житецкого П. (1889, 26-27), довольно ясно очерчивает этот вариант церковнославянского языка, чьи основы были нормированными в грамматике М. Смотрицкого (1619, Эвю близ Вильны): «Таким образом, помимо сознания Смотрицкого, церковнославянский язык, представленный в его грамматике, сближен был с общими свойствами русских наречий. Писатели малорусские, старавшиеся усвоить этот язык, охотно брали из богослужебных книг церковнославянские буквы, не соответствовавшие русским звукам, не менее охотно брали церковнославянские формы, чуждые русским наречиям, но не отказывались и от некоторых особенностей живой речи, если только она совпадала с книжной речью, хотя бы эти особенности составляли исключительную принадлежность того или другого русского наречия. Само собой разумеется, что больше всего они дорожили сходством церковнославянских звуков и форм с общерусскими. Собственно говоря, этот язык можно назвать не столько церковнославянским, сколько **славянорусским** в самом общем значения этого слова».

Огиенко І. (2004,159-160) добавляет важный аспект в понимании этого языка: «але поруч із новою літературною мовою¹⁰ в українській літературі сильна була й течія, що міцно трималася своєї давньої мови, тільки помітно розбавленої живими словами і формами. Це т. зв. **славенороська мова**, «широкий і великославний славенський язык», що це міцно трималася за цієї

⁷ Перевод: «Новым фактом является то, что обозначение церковнославянского языка больше не звучит, так как еще в XIV и XV вв.-не словѣнскїи, а славенскїи или славеноросскїи, которые были этимологически связаны со словом слава».

⁸ Он использует в названии статьи более распространенный в англо-американской славистике термин «Slavonic-Ruthenian».

⁹ Перевод: «книжный язык, использованный в XV-XVIII вв. в украинских и белорусских научных, публицистических и литературных трудах. Термин «славеноросский» был введен в конце XV в. и стал популярным благодаря Житецкому».

¹⁰ Здесь имеется в виду «простая мова» или «стара (книжна) українська мова». Важно отметить, что глоттоним «славенський / славянский» указывает на церковнославянский язык.

доби, особливо підтримана Грамматикою 1619 року Мелетія Смотрицького. Більшість наших письменників писали цією мовою». ¹¹

Шевельов (Shevelov 1979, 568-569) передає наступну дефініцію: «(...) Although the Meletian version of Church Slavonic was generally accepted in the Ukraine, adherence to it varied in practice, depending upon the training and the zeal of various authors. Some managed to apply the prescriptions with amazing consistency, so that Ukrainianisms in their writings are limited to those few accepted by Smotryc'kyj.(...) Others allowed more licences so that, in practice, the whole gamut of shades and transition between Meletian ChSl and the prostaja mova can be discovered in the writings of the time.(...) Even the name they most frequently used for it was less often *slavenskyj* and more often *slavenorosskyj*, e.g. ChSl as used and codified in the Ruthenian and Russian lands». ¹²

По суті, дефініція Шевельова в основному не відрізняється від запропонованої Житецьким; в ній більш конкретно йде мова про українізми, а не про «руських» наріччя.

Успенський Б. А. (2002, 401-404) передає досить чітку, але відносно формальну дефініцію цього терміна: «Аналогічний зміст має, по-видимому і найменування церковнослов'янського мови «славеноросським», яке зустрічаємо у юго-західноросських авторів і, в частині, у того ж Памви Беринди (в заголовку його словаря). Назва «славеноросський» або «славеноросійський» була утворена за аналогією з назвою «елліногрецький» як найменування книжкової грецької мови: подібно тому як «елліногрецький» мову протиставлено «простому» або «общому» грецькому мові, «славенорос(ійс)кий» протиставлено ««простому» або

¹¹ Переклад: «але поруч з новим літературним мовою в українській літературі потужним було і течення, яке щільно трималося свого давнього мови, хоча і помітно розбавленого живими словами і формами. Це т.н. славеноросська мова, «широкий і великославний слов'янський мову», який в ті часи ще міцно зберігав за собою вільні позиції, і в великій ступені цьому сприяла Грамматика 1619 року Мелетія Смотрицького. Більшість наших письменників писали на цьому мові».

¹² Переклад: «несмотря на то, что церковнославянский язык М. Смотрицкого был в основном общепринятым в Украине, его соблюдение варьировалось в практике, в зависимости от степени обучения и старания автора. Некоторые могли применять предписания с удивительной последовательностью; таким образом, украинизмы в их трудах были ограничены немногими общепринятыми Смотрицким (...). Другие позволяли себе больше вольности в использовании украинизмов. На самом деле, в произведениях того времени можно обнаружить целый ряд оттенков и переходов от церковнославянского Смотрицкого к простой мове (...). По этой причине, даже название, которое они чаще всего употребляли, было не столько *славенский*, сколько *славеноросский*; т.е. церковнославянский язык, использованный и кодифицированный в Украине, Беларуси и России».

«общему» російському языку; при этом в соответствии с тем, как книжный греческий язык мог называться как «еллинским», так и «еллиногреческим», церковнославянский язык мог именоваться как «славенским», так и «славеноросс(ийс)ким».

Русановский В. (2002, 126-128) пише: «заступлення староукраїнської мови церковнослов'янською починається ще з кінця XVII – початку XVIII ст. (...). Цю мову вже не можна назвати староукраїнською, але це й не та церковнослов'янська мова, яка зафіксована в працях М. Смотрицького і П. Беринди. Ім'я їй – слов'яноруська (словенороська)».¹³

Здесь, необходимо подчеркнуть, что описание славянорусского языка Русановским немного отличается от упомянутых выше. По его мнению, существует довольно четкое различие между церковнославянским языком, зафиксированным в грамматике Смотрицкого и Беринды, и тем литературным вариантом, который употреблялся к концу XVII-началу XVIII вв.

Аргументированное обоснование этого варианта литературного языка можно найти в трудах Білодіда І. (1957, 3-34), Соболевского А. (1980, 92-102), Шахматова А. А. (1912) и т.д. На основе выше указанных дефиниций, можно сделать следующие выводы:

а) несмотря на то, что термин «славеноросс(ийс)-кий» появился уже в документах второй половины XV в., все рассмотренные названия указывают на один и тот же вариант литературного языка, основанного на украинской (юго-западнорусской) церковнославянской редакции и нормативной грамматике М. Смотрицкого (1619).

б) более подходящий термин с этимологической точки зрения – это «славеноросс(ийс)-кий»; но в современной русистике – это славянорусский язык. В современной украинистике также используется термин слов'яно-русська мова.

в) «славеноросский» язык имел «общий русский характер», поскольку употребляли его как украинские¹⁴ (и соответственно белорусские) образованные люди, так и русские;

¹³ Перевод: «замена староукраинского языка церковнославянским начинается еще с конца XVII-начала XVIII вв. Этот язык уже нельзя назвать староукраинским, но это и не тот церковнославянский язык, который зафиксирован в работах Г. Смотрицкого и П. Беринды. Имя его – слов'яно-русська (словенороська)»;

¹⁴ Традиционно, русистика определяет украинцев и Украину XVIII в. как южнорусских, если место их происхождения находится в левобережье, и западнорусских, если они выходцы из современной западной Украины (бывшей правобережья и Галичины).

г) славянорусский язык¹⁵ стал особенно популярным со второй половины XVII в. и продолжал распространяться в Украине и России еще и в первой половине XVIII века;

д) этот вариант использовали все литературные жанры, которые соответствовали так называемому «высокому стилю».¹⁶

Прежде, чем рассматривать сферы употребления и описывать общие лингвистические особенности этого варианта литературного языка, необходимо понять историко-культурный контекст, в котором возник и развивался славянорусский язык.

2. Культурно-исторический очерк

Со второй половины XVI в. и до первой четверти XVIII в. развитие украинской культуры становится значительным этапом не только в украинских землях, но и в Московской Руси. Не случайно ученые говорят о «третьем южнославянском влиянии» (Успенский Б.А. 2002, 411-426). Этот период характеризуется, с одной стороны, отстаиванием национальной, религиозной и культурной самостоятельности, а с другой – повышением национального сознания, процветанием науки, культуры и искусства (Русанивский В.М., 2001, 76).

Явление протестантства, «грозное» расширение католичества, особенно после Люблинской (1569)¹⁷ и Брестской уний (1596), и последовательное развитие полемической литературы, не только создали условия для распространения так называемой «простой мовы»,¹⁸ а также обусловили потребность в нормировании церковнославянского языка. Эта надобность возникла, чтобы лучше противостоять католической «пропаганде», а также культурной и языковой полонизации украинских земель.

Другим существенным фактором в распространении культуры и классических языков были школы или училища. Предметы обучения были довольно

---

¹⁵ В дальнейшем мы будем пользоваться термином «славянорусский», поскольку он общепринят в современном русском литературном языке.

¹⁶ См. Параграф, 2.1.

¹⁷ Напомним, что в следствии Люблинской Унии, вся тогдашняя Украина и Литва присоединились к Польше.

¹⁸ «Простая мова» принадлежит к числу спорных тем. В новейших украинских и белорусских публикациях ей предпочитают термины «староукраїнська літературна мова» и «старобеларуская літаратурная мова», соответственно. См. Мозер (2002, 232-240).

многочисленны. Славянский,¹⁹ греческий и латинский языки занимали среди них видное место. Обучение славянскому языку в Остроге, Львове, Вильне и Киеве привело к составлению и изданию грамматик и словарей на этом языке (Соболевский 1980, 84-86).

Уже в конце XVI века, благодаря инициативе образовавшихся в Украине и Беларуси братств, составлялись первые грамматики и словари церковнославянского языка. Первая грамматика была напечатана в Вильне в 1586 г., и имела название «Кграмматика словенска языка (...)». Вторая грамматика была напечатана во Львове, в 1591 г. на греческом и славянском языках. Название грамматики: «ΑΔΕΛΦΟΤΗΣ». Это – грамматика греческого языка, переведенная на славянский язык буквально.

Третья грамматика представляет самостоятельный труд, хотя сильно заметно влияние греческого языка. Она составлена Лаврентием Зизанием и напечатана в Вильне в 1596 г. К ней автор приложил небольшой толковый словарь под названием «Лексисъ» (там же).²⁰

В результате, характерной чертой века следующего (XVII) было появление таких значительных и сложных трудов, как например, всем известной «Грамматіки славенския правильное синтаγμα» М. Смотрицкого²¹ (1619г.), напечатанной в Эвье, и ее сокращённой версии (доработанное и измененное издание) «Гамматіки или писменница языка словенского» (1638г.).

В этот период, был также опубликован знаменитый «Лексіконъ славенороссій и именъ тлькованіе» Памва Берынды (Киев, 1627). Эта большая лексикографическая работа содействовала подъему авторитета как церковнославянского языка, так и книжного украинского языка того времени. Автор поставил перед собой две взаимосвязанных между собой задачи: упрочить престиж церковнославянского языка путем кодификации его лексики, и вместе с тем, утвердить нормы книжного украинского языка с опорой на народный язык.

Необходимо упомянуть еще одну лексикографическую работу, которая была написана в Москве и также повлияла на развитие старой украинской культуры и литературного языка. Это был «Лексіконъ словено-латинский», Е. Славинецкого и А. Сатановского.²² Последний, на основе латинского лекси-

¹⁹ Под названием «славянский», в литературе, имеется в виду церковнославянский язык. Также см. Успенского Б.А. (2002, 388).

²⁰ Также см. Житецкого П.И (1889, 16-18).

²¹ Некоторые особенности этой грамматики будут рассмотрены дальше (параграф, 3).

²² В 1649 г. русский царь обращается к киевскому митрополиту с просьбой прислать в Москву сведущих в книжном деле людей, которые были бы «Божественнаго писания ведуши и

кона А. Калепино, известного по всей Европе, создал переводный латинско-староукраинский словарь, который в XVII-XVIII вв. распространялся в многочисленных копиях. Вместе с А. Сатановским, Е. Ставинецкий составил «Лексіконъ словено-латинский».²³

Среди лексикографических трудов XVII века следует упомянуть словарь «Синонима словеноросска». Это рукописный словарь со старым украинским регистром. П. Житецкий (1889 часть II, 3) утверждал, что словарь представляет значительный научный интерес. Далее он пишет: *«Многие из этих слов не вошли в литературный оборот речи ни славянской, ни книжной малорусской, другие – пережили ту и другую, и ныне существуют в литературной русской речи, поэтому словарь наш может способствовать до некоторой степени уяснению состава и происхождения этой последней»*. Ученые полагают, что этот словарь – попытка обратить «Лексіконъ Славеноросскій» Берынды, представив староукраинскую часть в регистре, а церковнославянскую в переведенной части (Русанивский, В.М. 2001, 102).²⁴

Другим важным этапом в утверждении и распространении славянорусского языка было присоединение части Украины, вместе с Киевом (1654), к Москве. Это историко-политическое событие привело к тому, что центр «южнорусской»²⁵ учености и литературной деятельности вошел в состав Московского государства, украинские ученые столкнулись с московскими начетчиками, а староукраинские варианты литературного языка – с московским языком. Преимущество в образованности было, конечно, на стороне Украины («Юго-Западной Руси»): здесь знали греческий и латинский языки, не говоря уже о польском; здесь были знакомы с грамматикой, риторикой, пиитикой и т.д.

После 1654-ого года по добровольному присоединению Украины к Москве – перед украинскими учеными открылся новый рынок сбыта их трудов – московский. И действительно, староукраинский книжный язык («простая

елтнскому языку навчыны», «для справки Библии греческие на словенску речъ», т.е. для приведения церковнославянской Библии в соответствие с греческим текстом». См. Успенский, Б.А. (2002, 418). В Москву приезжают Епифаний Ставинецкий и Арсений Сатановский. Русанивський, В.М. (2001, 98).

²³ См. Німчук В.В. «Лексіконъ латинский» та «Лексіконъ словено-латинский» і їх місце в історії старої лексикографії. Передмова до Лексикона Є. Ставинецького та А. Корецького-Сатановського. Київ, 1973, 25.

²⁴ Можно критиковать позицию Русанивского, потому, что он присвоил Житецкому не существующее выражение о том, что «украинская лексика, в этом словаре, достаточно четко представлена».

²⁵ Согласно традиционной терминологии, русистика разделяла «Южную Русь» и «Западную Русь».

мова») начал распространяться на Московье, однако украинские деятели скоро заметили, что там не совсем понимали их книжный язык.

Украинский рынок был решительно тесен, а Московье предложило огромную возможность для расширения круга читателей.²⁶ Но украинским деятелям пришлось разрешить дилемму: или писать по-прежнему на обычном языке, но не претендовать на распространение своих сочинений в Москве, или обратиться к этому виду церковнославянского языка. Дальнейшим импульсом для распространения украинской культуры было перенесение Киевской метрополии в состав московского патриархата. Это событие открывало киевлянам путь в Москву на видные места в московской иерархии.

Как мы рассматривали выше,²⁷ в Украине в XVI в. уже выработался на старой основе т.н. славянорусский язык, а в XVII в. этот язык сильно укрепился и имел тенденцию к возрастанию своей роли в XVIII веке.

Славянорусский язык опирается на древнюю, общую для всех славян православной веры, традицию. Кроме того, в начале XVIII века окончательно устраняют из славянорусского языка полонизмы и германизмы. Таким образом, постепенно возникает язык, который прекрасно понимают и в Москве, общий для юга и севера, «общеруський» язык в идеале (Огиенко І. 2004, 170-171).

Украинские эрудиты понемногу начинают учиться и русскому языку, а это еще больше устраняет различия между литературными языками Украины и России. То есть, создание украинского литературного языка в XVIII веке, полностью совпало с таким же процессом создания нового литературного языка в России: там он совершался также, главным образом, на старинной основе.

Безусловно, Киевская Академия играла важную роль в создании славянорусского языка. Старинный церковный язык, дополненный элементами живой речи, опирается на грамматику Г. Смотрицкого и становится признаком образованности и культуры Украины.

²⁶ В словах Соболевского (1980, 94-95): «Москва была сильна, богата и православна, она не знала уни, и православие в ней не подвергалось никакой опасности. Южнорусские деятели видели в ней патрона, который может оценить их труды, у которого они могут найти сбыт своим произведениям, к которому они могут прибегнуть в случае надобности за защитой. Тем более, Москва отличалась консерватизмом, привязанностью к старине, считала себя хранительницей истинного, чистого православия, столпом неповрежденной Христовой веры. Сверх того, сила и внешний авторитет были на стороне Москвы, она имела у себя политического главу Южной Руси и патриарха» (там же).

²⁷ §1.1, 3.

2.1 Сферы употребления славянорусского языка

Мы уже говорили, что так называемый славянорусский язык был разработан на старой основе. Период его максимального распространения приходится на вторую половину XVII и первые десятилетия XVIII вв.

В этом веке, славянорусский язык получил дальнейшее развитие и по сути приблизился к своей первоначальной основе. Он исключал полонизмы и германизмы, характерные для предыдущей эпохи. Совпадение этих факторов способствовало формированию определенного вида литературного языка, который хорошо понимали и в Московье.

Типичные элементы разговорного языка были также ослаблены. В результате образовался литературный язык, как для Московья, так и для Украины: один «общий язык» в идеале. В то время образованные люди в Украине также начали изучать и русский язык. Сочетание этих двух факторов способствовало устранению различий между литературными языками Украины и России. Этот «общий» вариант литературного языка был, главным образом, культивирован в Киево-Могилянской Академии. Вариант церковнославянского языка, использованный в грамматике М. Смотрицкого, (1619) интенсивно развивался. Именно этот вид литературного языка, модернизированный, с элементами, типичными для разговорного языка, стал символом образованности и культуры в Украине.

Еще одним важным фактором в распространении славянорусского языка была деятельность русского воеводы, который, начиная с 1654 года, стал постоянно проживать в Киеве. Он ощутимо повлиял на деятельность Киевской Академии, поддерживающей развитие варианта литературного языка, который могли бы понимать в Московье. Таким образом, в XVIII в. литературные произведения все реже пишутся на «простой мове», как это было еще в XVII в.

Некоторые жанры, как например драма, были написаны исключительно славянорусским языком. Теория трех языковых стилей, типичная доктрина Киево-Могилянской Академии XVIII в., разделилась на три литературных уровня: 1) высокий; 2) средний; 3) низкий (или подлый), которым соответствовали определенные языковые варианты.

На славянорусском языке были написаны все почтенные труды. Разговорным, и в какой-то степени, диалектальным языком, писались интерлюдии для театра, это и являлось низким или третьим стилем. А второй или средний стиль, сочетал структуру староукраинского языка – (частично совпадающую с

бывшей «простою мовою») с элементами разговорной речи и, отчасти, высокого стиля, в зависимости от стилистических целей автора.

Среди авторов, использующих славянорусский язык (высокий стиль), более или менее свободный от разговорных элементов, заслуживают внимания такие, как: Иван Максимович (1715); Степан Яворенко-Яворский (1658-1722); Гавриил Бужинский (1731); Феофан Прокопович (1681-1736); Варлаам Лашевский (1774); Георгий Конинский (1718-1795) и т.п. Например, язык, на котором была написана драма Прокоповича «Владимир» (1705), – не московский или русский, а просто один из украинских, литературных вариантов, который естественно развивался на своей древней основе.²⁸

На критику, что славянорусский язык, особенно в XVIII веке, формально совпадал с русским языком, можно ответить, что оба языка развивались одновременно и в одном направлении (Огиенко 2004, 171). Существенным образом меняется язык драм: староукраинский язык постепенно изменяет так называемый славянорусский язык, т.е. в значительной мере церковнославянский.

Печатная же литература писалась славянорусским языком. Славянорусский язык, который вытеснил староукраинский язык, был искусственно создан и опирался лишь на церковнославянский язык.

Украинские писатели XVIII в., писавшие свои произведения, осознанно или нет, стремились «вписаться» в общероссийский культурный контекст.

Более того – они создавали его, так как вряд ли русская литература начала развиваться с их участием. Таким образом, оба литературных языка –

²⁸ Спорный вопрос о том, на каком языке писал украинский философ Г. Сковорода (1722-1794), не рассматривается здесь. Однако, можно заметить, что по мнению некоторых ученых, он преимущественно писал на славянорусском языке. Например, Огиенко І. (2004, 173) пишет: «Цією ж мовою (славенороською) пише й наш філософ, вихованець Київської Академії Григорій Сковорода. Мова його для свого часу була звичайно літературною українською мовою, в якій на славенороськім фоні таки багатенько й живих народних елементів». [Перевод: На этом же языке (славеноросском) пишет и наш философ, воспитанник Киевской Академии Григорий Сковорода. Естественно, это был украинский литературный язык его времени, который содержал многочисленные и живые народные элементы из славеноросского языка].

Русановский В. (2001, 129-132), напротив, поддерживает тезис о том, что язык Сковороды трудно определить, поскольку он «стоїть від староукраїнської мови ще далі, ніж від слов'янорусської». [Перевод: он стоит от староукраинского языка еще дальше, чем от славянорусского].

Другие ученые думают, что Сковорода писал на русском языке того времени. Для более актуальных исследований об особенностях языка Сковороды, см. Гнатюк Л.П. (2006, 44-48): «То якою ж мовою писав Григорій Сковорода?».

славянорусский и русский, объективно играли деструктивную роль относительно староукраинского литературного языка.

Но, разрушая староукраинский литературный язык и обеспечивая таким образом возможность распространения в Украине русской литературы, эти искусственные языки освободили место для нового украинского литературного языка – и уже не на церковнославянской, а на сугубо народной основе.

В итоге, важно добавить, что элементы славянорусского языка не исчезли бесследно из некоторых вариантов «украинского языка». Они зафиксированы в украинских литературных произведениях, особенно в первой половине XIX века. Более того, необходимо подчеркнуть, что употребление некоторых славянорусских лексем продолжалось, сохраняясь на устном, региональном уровне. Эти слова, с точки зрения современного украиноговорящего, часто воспринимаются как результат негативного влияния русского языка на украинский язык, иначе говоря, как *суржикизмы*.²⁹

Следует еще добавить, что в процессе сохранения и распространения славянорусских (церковнославянских) слов, немаловажную роль сыграло также традиционное обучение. Здесь важно вспомнить, что со времен старой Руси и до конца XVIII в.³⁰ образование велось по церковным книгам, обыкновенно по часослову или псалтырю, и церковные книги при этом заучивались наизусть. Поэтому, человек много читающий, был вынужден привыкать к употреблению церковнославянских слов. Вследствие этого, повседневный разговорный язык образованных людей заимствовал значительное количество «славянизмов» и частично заменил ими соответствующие русские или украинские слова (Соболевский А.И. 1980, 110).³¹

3. Лингвистические особенности «славянорусского» языка

Основой славянорусского языка стала, как известно, грамматика М. Смотрицкого (1619). Главная задача М. Смотрицкого – поднять уровень славянского языка, обучить правильно писать и сочинять по-славянски.

Он стремился к «чистоте» языка. Можно также добавить, что повсюду в Европе XVI в., грамматика должна была строго следовать норме языка.

Поэтому, несмотря на стремление «очистить» язык, М. Смотрицкий так и не смог вернуться к *идеальному типу* славянского языка IX–XI вв. Факти-

²⁹ См. Del Gaudio 2008, Chapter 4 and 5; Del Gaudio 2009, §3.1 (в подготовке).

³⁰ И отчасти, в определенных кругах, еще до XX в.

³¹ См. также: Успенский Б.А. Старинная система чтения по складам (глава из истории русской граммоты). Вопросы языкознания, 1970, 5.

чески, в своем труде он пользовался славянскими рукописями *руської* редакции XV-XVI вв. Поэтому, славянский язык в его грамматике был «не столько чистый, сколько язык, очищенный от старинных особенностей его» (Житецкий П.И.1889, 18).

Другими словами, эта грамматика в идеале должна была стать характерным и нейтральным образцом того славянского языка, каким он был во время Кирилла и Мефодия. Но грамматика Смотрицкого практически включила в себя формы древне-восточнославянского происхождения, проникающие в нее, в течение веков. Например, ему было неизвестно носовое произношение юсов. Винительный падеж единственного числа существительного женского рода на – у, ю также рассматривался, как церковнославянская форма.

Кроме того, классические языки, особенно древнегреческий язык,³² теоретически служили для него образцом.

Нельзя сказать, чтобы украинские авторы XVII века последовательно придерживались грамматических правил, зафиксированных Смотрицким. Украинские писатели в своих *славянорусских* произведениях, вместо строго церковнославянских форм, часто используют элементы *общерусские*. Иногда даже допускают украинизмы и заимствования из иностранных языков, в том числе полонизмы и германизмы.

Ситуация меняется уже в начале XVIII века, когда возникла потребность обратиться к общерусскому культурному контексту, и постепенная замена староукраинского литературного языка («простой мовы») славянорусским языком, привела к тому, что украинские писатели допускали значительно меньше украинизмов и иностранных слов (Русанивский 2001, 126-127).

Этот вариант литературного языка развивался, как отмечалось выше, главным образом в определенных драматических жанрах. В драмах также заметна определенная языковая вариация, в зависимости от индивидуального вкуса автора, уровня его образованности и регионального происхождения.

Тем не менее, язык славянорусский в целом был достаточно унифицирован. Если рассматривать, в общих чертах, такие литературные произведения, как «Владимир» Ф. Прокоповича (1705); «Власнотворчий образ челолюбия Божия» М. Довгалевского (1737 г.); «Разговор Великороссии с Малороссией» С. Дивовича; «Милость Божия» и пр., то можно заметить достаточно большое количество общих лингвистических характеристик. Перечислим кратко такие, как:

---

³² Для более подробной информации, см.: Житецкий (1889, 19-26).

- Обобщение неполногласия; например: драгий, власть, сладост(ь) и т.д.
- *tj последовательно передается через **щ**, например: помощь, рещи;
- *dj через **жд**, например: вражда, жажда, наджда и т.д.;
- Буква < h > – [ě] – последовательно читается как [i];³³ как очевидно в рифмах, например человек – владика; сила – дшла и т.д.
- Формы родительного падежа единственного числа прилагательных мужского рода часто имеют окончание – **аго**;
- Неизменяемые слова (союзы): **аще; понеже, зане, пакы** и т.д.;
- Наречия: **паче**;
- В отличие от славянорусского языка конца XVII – начала XVIII в., здесь не употребляются формы повелительного наклонения с **нехай**; вместо этого выступает **да**.
- Аорист как форма выражения прошлого времени преобладает; тем не менее, иногда употребляется и форма перфекта, как например *отпустишь еси*.
- Употребляются короткие причастия: *хотяй, приятъ, изъять* и т.п.
- Лексика почти исключительно церковнославянская; это особенно видно в словах означающих абстрактные понятия: *владнїе, нужда, помышленїе* и т.д.;
- Слова-определения: *изобильнїй, сицевый* и т.д.;
- Названия конкретных существительных – предметов и лиц – *персть, однянїе, иго* и т.д.;
- Украинизмы, например: *намһри, мусить*, попадают значительно реже, чем в предыдущем периоде (XVI-XVII вв.).

3.1 Фрагменты из «Владимира» Ф. Прокоповича (1705)

Среди произведений Феофана Прокоповича, трагикомедия «Владимир» является самым известным трудом. Это – первая драма, представляющая один эпизод из отечественной истории. Этим произведением Прокопович хотел прославить деятельность Петра Великого, который, как и Владимир, был просветителем народа. Автор выбрал трагикомедию, – нетипичный жанр для поэтики классицизма.

³³ Русановский В.М. (2001, 128) комментирует, что эту черту нельзя рассматривать как чисто украинскую особенность, поскольку в то время такое произношение было уже перенесено в русский вариант церковнославянского языка.

Из-за небольшого количества исследований языка драмы «Владимир» трудно установить систему лингвистических норм, действующих в конце XVII-начало XVIII века (Скуиллаче 1996, 136).

Часто исследователи просто не знали, как определить язык пьесы Прокоповича. Действительно, их предложения многообразны. Некоторые ученые интерпретируют язык этой драмы, как русский, смешанный с церковнославянскими формами. Для других, это украинский язык того периода. Более объективные исследователи, напротив, говорят о книжно-славянском языке, то есть о церковнославянском языке в его последней редакции (там же).

Но термин «славянорусский», по нашему мнению, лучше всего отображает язык драмы «Владимир» и подобных произведений этой эпохи.

Рассмотрим некоторые фрагменты вступительной части этой пьесы, чтобы показать его славянорусский характер. Выбор объясняется тем, что уже сам стихотворный язык трагикомедии отображает стиль разных персонажей, и потому в нем больше элементов староукраинского (книжного) языка,³⁴ чем в строгом славянорусском.

«(Владимир) всѣх словенороссийских стран князь и победитель, от невѣрия тѣми во великий свѣт евангелский духом святим приведен в лѣто от рожества христова 988 (...)»

Далее, в прологе: «А яко не ино что, токмо повѣсть о обращении к Христу равноапостолного князя нашего Владимира обичним (...) Вина бяше, яко то і мѣсту сему прилично и свойственно слышателем мнится быти: (...) Се же и дом Владимиров, се и Владимирова чада, крещением святим от него рожденная (что паче всѣх изящнѣе на тебѣ является, ясневелможный пане, ктиторе и добродѣю наш...)».

Комментарий

Интересно заметить, что уже в предисловии Ф. Прокопович обращается ко всем восточно-славянам как к одному *славянорусскому* народу. Это прилагательное поддерживает тезис об *общерусском* идеале этого литературного языка. Морфология, в основном – церковнославянская. Краткие формы страдательного причастия прошедшего времени «приведен», и в целом все виды причастий, также часто встречаются в тексте.

³⁴ Напомним, что специфические староукраинские слова в предложенном ниже отрывке, выделяются полужирным шрифтом.

В орфографии, типичные церковнославянские группы <жд> и <шт> встречаются последовательно; полногласие, в основном, отсутствует. Некоторые наречия показывают полную вокализацию ера [ъ], например, токмо < тькмо. Основная лексика также имеет церковнославянскую природу. Чтобы объяснить реалии связанные с инновациями этой эпохи, можно предположить *a priori*, что во всех славянорусских текстах, в том числе, и в драме о Владимире, кроме нескольких придуманных славянских и новых лексем, идиосинкратические староукраинские формулы и слова взаимодействуют с церковнославянскими; например **ясневелможный** = могущественный; **пане** = владыка, господь; **ктиторе** = создатель; **добродлю** = благодетель; и т.д.

Заключение

В результате проведенного анализа становится очевидным, что все названия, употребляемые в разных национальных традициях, указывают на один и тот же литературный вариант украинского языка XVI-XVIII вв., т.е. славянорусский язык.

Выбор последнего термина, как отмечалось выше, непосредственно связан с языком, на котором написана статья. Вместо указанного термина, можно было бы также использовать другие предложенные термины, например, «слов'яноруська мова» и т.д. Этот вариант литературного языка развивался на основе церковнославянского вследствие его нормирования в конце XVI в. и первой половине XVII в.

В отличие от церковнославянского, зафиксированного М. Смотрицким, этот письменный язык заимствовал некоторые элементы живой речи, особенно в XVII в., и лексические единицы из других европейских языков, например, из польского.

После добровольного присоединения Левобережной Украины к Московью, культурно-политическая и экономическая ситуация обусловили распространение литературных произведений украинских авторов в России с целью создания на общей идейной основе единого восточнославянского языка, что постепенно привело к устранению слов и конструкций, чуждых как «славянскому», так и формирующемуся русскому литературному языку. Такое «очищение» от иностранных элементов было характерно для первой половины XVIII в., и ощутимо в очень распространённом литературном жанре того времени – драме.

Уже со второй половины XVII в. славянорусский язык постепенно заменяет староукраинский, и усиливает свое влияние в тех областях, где обычно

использовалась «простая мова». Этот процесс ускорился в первой четверти XVIII века после указа Петра I (1720), – но особенно стал ощутимым с середины XVIII века, когда новый русский язык начал распространяться и в Украине.

Частичная искусственность славянорусского языка, его отдаленность от устных украинских диалектальных вариантов, постепенная замена украинских литературных вариантов русским языком создали условия для уменьшения влияния староукраинского и славянорусского языков соответственно.

К концу XVIII века эта ситуация, благодаря таланту И. Котляревского, способствовала возникновению нового украинского языка на народной основе. Он первым в комедии «Наталка Полтавка» (1798) сумел объединить существующие литературно-языковые средства с народно-диалектальной речью средненадднепрянских говоров.

В России языковая ситуация складывалась немного по-другому. Здесь очевидно структурно-лексическое сходство между славянорусским и возникающим русским языками (оба языка опирались на церковнославянскую основу), что и обусловило преобладание последнего над первым.

Abstract

The Language situation of the Ukrainian Lands, before the gradual diffusion of Russian towards the mid of the 18th century, and the rise of the new Ukrainian literary language at the end of that century (1798), was characterized by the coexistence of the two basic literary language varieties: the old Ukrainian literary language, also known in the Ukrainian tradition as “stara ukrajins’ka mova” or “prostaja mova”, and the Church Slavonic of Ukrainian redaction.

The latter was designated by different terms. The most widespread definition until the publication of M. Smotryc’kyj’s Grammar (1619) was “slovenskij” or “slavjanskij jazyk”.

The constant interaction of Church Slavonic with the other traditional bookish variety “stara ukrajins’ka mova”, and the necessity for the Ukrainian scholars, especially after 1654 (Unification of the Left Dnieper Bank Ukraine with Muscovy) to be understood also in Russia, led to the gradual development of a specific kind of a literary language. This language was ideally aimed at being “commonly” understood by the all east Slavs, hence its designation being “*slaveno-rosskij jazyk*”.

In this paper we tried to tackle this controversial terminological issue, particularly misleading for the western European scholars. We also attempted to provide an in-

troductory cultural and linguistic characterization of this Church Slavonic language variety typical for Ukraine of the 16th-18th century, whose influence was also being destined to partially affect the Russian literary writings.

Л и т е р а т у р а

- Ахманова О. 2007. *Словарь лингвистических терминов*, М. *Беларусская мова. Енциклопедія*. Мінск, 1994.
- Біленька-Свистович Л., Рибак Н. 2000. *Церковнослов'янська мова*, Київ.
- Білодід І. 1957. *Курс історії української літературної мови, (XVI, XVII, і XVIII століть)*, Київ.
- Білодід І. 1958. *Курс історії української літературної мови*, Київ.
- Булаховський Л. 1956. *Питання про походження української мови*, Київ.
- Житецький П. 1889. *Очерк літературної історії малорусского наречія в XVII веке*, Киев.
- Житецький П. 1941. *Нарис літературної історії української мови в XVII в.*, Львів.
- Гнатюк Л. 2006. „То якою ж мовою писав Григорій Сковорода?“, *Дивослово* 3, 44-48.
1961. „Лексикон словенороский Беринди“, *Під. тексту і вступна стаття В. Німчука*, Київ.
1973. *Лексикон латинський Є. Славинецького. Лексикон словено-латинський Є. Славинецького та Є. Корецького-Сатановського*. Ред В. Німчука. (Пам'ятки української мови XVII ст.) Київ.
- Лингвистический энциклопедический словарь*, Москва, 1990.
- Мозер М. 2002. „Что такое «простая мова»?“, *Studia Slavica Hungarica* 47/3, 221-260.
- Німчук В. 1973. „Лексіконь латинский та Лексіконь словено-латинский і їх місце в історії старої лексикографії“, *Передмова до Лексикона Є. Славинецького та А. Корецького-Сатановського*, Київ.
- Німчук В. 1989. „Русанівський, В., та ін“, *Жанри і стилі в історії української літературної мови*, Київ.
- Огієнко І. 2002. *Українська культура*, Київ.
- Огієнко І. 2004. *Історія української літературної мови*, Київ.
- Прокопович Ф. 1961. *Сочинения*. Москва-Ленинград.
- Русанівський В. 2001. *Історія української літературної мови*, Київ.
- Русанівський В. 2002. *Історія української літературної мови*, Київ.
- Русский язык. *Энциклопедия*, Москва, 1979.
- „Українська література XVIII ст.“, *Поетичні твори, драматичні твори, прозові твори*, Київ, 1983.
- Українська мова. Енциклопедія*, Київ, 2004.

- Скуиллаче К. 1996. „Традиция и новаторство в языке и в стиле «Владимира» Феофана Прокоповича“, *Мовознавство: тези та повідомлення III Міжнародного конгресу українців*, Харків, 135-139.
- Соболевський А. 1980. *История русского литературного языка*, Л.
- Успенский Б. 1970. „Старинная система чтения по складам (глава из истории русской грамоты)“, *Вопросы языкознания* 5.
- Успенский Б. 2002. *История русского литературного языка (XI-XVII вв.)*, М.
- Del Gaudio S. 2008. „On the Nature of Suržyk: a double Perspective“, *Wiener Slavistischer Almanach Sonderband 73*, München, Wien.
- Del Gaudio S. 2009. *The Formation of the new Ukrainian Literary Language (1798-1830s) and the Role of the south-eastern Dialects* (в подготовке/ forthcoming).
- Šachmatov A., Shevelov, G.Y. 1960. *Die kirchenslavischen Elemente in der modernen russischen Literatursprache*, Wiesbaden.
- Shevelov G. 1993. „Ukrainia“, Comrie, B., Corbett, G.G. (eds.), *The Slavonic Languages*, London, New York, 947-998.
- Trunte, N. 2001. *Славенскій языкъ. Ein praktisches Lehrbuch des Kirchenslavischen in 30 Lektionen*, München, Band 2.